

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

XXIV ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ
ЛО ИВ АН СССР
(доклады и сообщения)
1989
Часть II

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1991

макамами и отдельными городскими новеллами, вошедшими в сборник персидской народной литературы "Плутовка из Багдада".¹⁴ Так, в рассказе "Вор и судья" главный герой напоминает героев арабских макамов. Однако, точно так же, как различия в содержательной стороне произведений Саади и макамов не позволяют отнести эти произведения к одному жанру, так и различия в оформлении содержательного материала относят народные городские рассказы и макамы к разным жанрам.

-
1. حميد الدين عمر بن محمود بلخي. مقامات حميدى. اصفهان، ۱۳۳۶، ص. ۷۰.
 2. Там же, с. 25.
 3. G.Morrison. Persian Literature (belles-lettres) from the earliest times to the time of Jāmī. - History of the Persian Literature from the beginning of the Islamic period to the present day. Köln, 1981, p. 76.
 4. جلال مینین مقامه ای منظوم به زبان فارسی - "ایران نامه"، سال سوم، شماره ۷، واشنگتن، ۱۳۷۴، ص. ۷۳۲-۷۰۵.
 5. بهار ملك الشعر سبب شناسی، جلد دوم، تهران ۱۳۳۱ ص. ۱۲۷.
 6. سعدی. رساله صاحبیه - جلد دانشکده ادبیات و علوم انسانی دانشگاه فردوسی. شماره اول سال دوم شماره مسلسل ۳۶، مشهد، بهار ۱۳۵۳، ص. ۳۲-۷۶.
 7. Там же, с. 34.
 8. Там же, с. 36.
 9. Г.В.Степанов. О специфике художественного текста. - Язык. Литература. Поэтика. М., 1988, с. 150.
 10. В.М.Борисов, А.А.Долинина. Макамы аль-Харири и принцип их художественного перевода. - НАА. М., 1972, № 2, с. 115.
 11. Дж.Матини. Стихотворные макамы на персидском языке с. 714.
 12. В.М.Борисов, А.А.Долинина. Предисловие к кн. Абу Мухаммед аль-Касим аль-Харири. Макамы. М., 1978, с. 9.
 13. А.Н.Болдырев. Персидская литература с VIII по начало XIX века. - Краткая история литератур Ирана, Афганистана и Турции. Л., 1971, с. 43.
 14. Плутовка из Багдада. М., 1963.

М.С.Пелевин

ЧЕТЫРЕ ГАЗЕЛИ ХУШКАЛЬ-ХАНА ХАТТАКА

Единственная в СССР крупная коллекция паштунских рукописей, хранящаяся в ЛО ИВ АН, не располагает собраниями сочинений Хуш-

халь-хана Хаттака. Однако, как это было выяснено В.В.Кушевым,^I в одном из списков имеется небольшое приложение, в состав которого входят четыре газели Хушхаля, идентифицируемые по тахаллусу и современным изданиям его произведений.

Сама рукопись под шифром В 245I представляет собой список дивана Мирзы-хана Ансари (1580-1630/33), внука знаменитого Баязида Ансари, основателя учения и политического движения рошани.

Диван занимает 138 листов и содержит не расположенные по разделам газели, касыды и мухаммас. В приложении на 7 листах даны отдельные стихотворения других поэтов: четыре газели Хушхаль-хана, по одной газели Абд ал-Кадира Хаттака (1651-1712), сына Хушхаля, Давлата Лаваная (XVI-1633) и Пайанды (XVII?), а также шесть газелей Абд ар-Рахмана Моманда (1650-1712). Начиная с газелей Хушхаля, на полях киноварью делается приписка **بیان افغانی**, а затем

بیان دیگر.

Текст дивана и приложенных стихотворений выполнен насхом. Имя переписчика - Ибрахим ибн Абдаллах.

Рукопись вместе с несколькими другими приобрел Н.В.Ханьков в 1858 г. в Герате у муллы Дост Мухаммада, обладавшего, по-видимому, солидной библиотекой из книг преимущественно светского характера.

Рукопись была переписана в 1767 г., во второй половине XVIII в., когда общеупотребительным стал официальный алфавит Ахмад-шаха Дуррани, основанный в свою очередь на графической системе Абд ал-Карима, сына известного богослова Ахунда Дарвезы, главного оппонента рошанитской ереси. Эта система оставалась без изменений вплоть до незначительной ее реформации 1936 года. Газели Хушхаль-хана, вошедшие в рукопись графически выполнены в рамках этой системы.

Основная ее особенность - использование буквы **ش** не только для звука /ц/, как в современном алфавите, но и для /дз/ (**شان** - дзāн). Кроме того можно отметить употребление сочетания **ز** для носового ретрофлексного /ң/ (**کنزل** - гаңэл) и буквы "шин" для фонемы, обозначаемой ныне графемой **ش** и различающейся в произношении по диалектам (**بنکاره** - хкāра). Графема **ش** также встречается в рассмотренном текстовом материале: она регулярно пишется в послелого **کنش** /ке/ и в основе наст.времени сов.вида глагола /иходэл/ **کنشپرد** /кхеҕд/.

Использование западно-диалектных вариантов произношения слов "день" (**روح** - рвадз) и "земля" (**زک** - мээка) - вост.соотв.

ورغ /врадз/ и **زیکه** /змэка/ - возможно, свидетельствует о тяготении переписчика к западным наречиям пашто.

Орфография текстов газелей имеет все характерные для того

времени особенности:

I. Отсутствие в написании слов конечных букв ه , ی , و , обозначающих соответствующие исходные безударные звуки /a/, /e/, /и/, /o/, /y/

-у существительных: تور ۱م. توره , شونډ ۱م. شونډوی

- у прилагательных: ساز ۱م. سازه

- у местоимений: энклитических م ۱م. می , د ۱م. دی , определительного وار ۱م. وارِه , неопределенного هښ ۱م. هښی

- у глаголов: اوس ۱م. اوسه , کاند ۱م. کاندی , شو ۱م. شو

- у частиц и послелогов: ت ۱م. ته , کښی ۱م. کښی , به ۱م. به

2. Слитное написание предлогов с именами и отрицаний с глаголами: ۱م. پټیځ ۱م. پټیځ , لیار ۱م. لیاره , مکوه ۱م. مکوه

Однако все эти черты старой орфографии не образуют на первый взгляд сколько-нибудь стройной системы и их последовательность не прослеживается (тем более на таком незначительном текстовом материале). Так, например, в часто встречающихся формах повелительного наклонения глаголов окончание /a/ иногда выписывается, а иногда нет. Имеются формы написания کړه и کړم , причем в обоих случаях глаголы находятся в одинаковом безударном положении. То же можно отметить и в отношении окончания множ.числа косв. падежа существительных /o/ (د زلف تار و ترڅلو). Встречаются также (хотя и значительно реже) полные написания послелогов ته , کښی , частицы به .

Окончательно ответить на вопрос о существовании или отсутствии устойчивых норм правописания у переписчиков афганских рукописей, по-видимому, довольно сложно. Внешний анализ текстов не позволяет установить какие-либо строгие закономерности в орфографии. Однако хочется думать, и это не противоречит логике, что переписчики паштунских сочинений, прежде всего профессиональные, все-таки руководствовались какими-то, возможно чисто индивидуальными, соображениями, мотивами или даже правилами при выборе того или иного варианта написания слова.

Графическое изображение неоднократно переписанной стихотворной фразы иногда может ввести в заблуждение относительно правильного ее произнесения или понимания. Ошибки при переписке неизбежны. В рассмотренных газетях Хушхалия мы обнаружили ряд явных опечаток: اءان ۱م. اعلا , اعلاج ۱م. اءه , چه ۱م. جهان , جمعاء ۱م. ادانئ ۱م. ادانئ и т.д.

К тому же паштунская письменная культура не имела долгой и развитой традиции, сравнительно, например, с соседней персидской.

Самая ранняя из известных ныне афганских рукописей датируется 1651 г. По мнению В.В.Кушева число профессиональных паштунских каллиграфов едва превышало десять человек.² Возможно, все это сказывалось на качестве тех рукописей, что находились в руках образованных и состоятельных паштунов той эпохи. Нет уверенности в том, что эти рукописи сохраняли подлинный дословный авторский текст произведений как прозаических, так и поэтических. Предполагаемые погрешности в письменной передаче стихотворных произведений особенно важны, т.к. они могли вызывать нарушения в метрическом строе текстов.

Мы придерживаемся мнения Д.Н.Маккензи и А.Хабиби о силлаботоническом характере классического паштунского стиха.³ Поэтому с нашей точки зрения одним из главных критериев в восхождении к авторскому оригиналу является силлабо-тонический метр, очевидно, имеющий истоки в народной поэзии. Его определяющей чертой можно считать повторяемость ударных слогов, занимающих фиксированное положение в строке.

При переписке паштунских стихов могли теряться или наоборот добавляться отдельные слова, чаще всего односложные, что характерно для афганского поэтического языка в целом. Общий смысл и синтаксическое построение фразы при этом обычно не нарушались, но происходил сбой в размере. Вот лишь несколько примеров из разбираемых стихотворений Хушхаль-хана. В газели, имеющей 13 бейтов, две мисра выпадают из общего ритма:

зāhid хвах кундж-и хилват кэр
 'āшik? дэй пэ балā
 ? мисвāк кхегда пэ сар ке
 йā йе вутomba тэр млā

زاهد خوش کونج خلوت کمر
 عاشق دی په بلا
 مسواک کښېده پسرکښ
 یای وتونبه تر ملا

Маловероятно, что сам поэт допустил здесь слишком явный при звуковом воспроизведении промах. Для сравнения мы можем представить только литографированный вариант тех же газелей из пешаварского издания 1952 г., осуществленного Д.М.Камилом на основе нескольких рукописей и предыдущих изданий:⁴

... 'āшik хвах дэй пэ балā
 йā мисвāк кхегда пэ сар ке ...

عاشق خوش دی په بلا
 یا مسواک کښېده پسرکښ

Или же пример с наращением слогов:

یارد پشایست کښ د بهار تر کلو به دی ولی ته سمخه ولاد گل تر کوی نظر

йāр де пэ хāйист ке дэ bahār тэр гуло биh дэй
 вале йе тэ лэ мэхa вэ лāлагул та кре назар

В литографии вторая мисра этого бейта выглядит так:

... вале йе лэ мэхa лāлагул та кре назар

Кроме того, как уже отмечалось, орфографические особенности разных рукописных текстов (невывисывание отдельных букв) могли обусловить неправильное их прочтение. Таким образом возникало как бы противоречие между первоначально задуманным, живым, ритмически звучащим и написанным, зависящим от руки, а может быть и воли, переписчика.

Не это ли послужило поводом для того, что в период становления и расцвета классической афганской поэзии почти каждый крупный поэт претендовал на первенство в ведении метрической системы в поэзию пашто. Такие заявления встречаются, например, в строках Давлата Лаваная, рошанитского поэта, одного из первых нам известных афганских стихотворцев. Позже Хушхаль-хан неоднократно хулил своих знаменитых предшественников за "безразмерность" их стихотворных произведений, называя себя основоположником паштунской метрической системы. Еще позднее уже Хушхалю доставалось за якобы дурной слог от других поэтов, в том числе Казым-хана Шайда, утверждавшего свой приоритет в изобретении размеров для паштунского стихосложения.

Конечно, это можно считать лишь поэтическим приемом для собственного возвышения и унижения других. Однако обращает на себя внимание то, что именно метр служил тем мерилом, пусть даже худо жественным, по которому оценивалось качество поэтического текста.

Нам мало что известно о реальной жизни афганского общества той поры и его выдающихся представителей, прежде всего интересующих нас литераторов. Все имеющиеся в источниках сведения носят характер отдельных фактов, позволяющих описать в основном историю военно-политических событий и отчасти социально-экономических процессов. Для восстановления более полной картины жизнедеятельности Паштунистана XVI, XVII, пер.пол. XVIII в. необходимо глубже подходить к изучению художественной литературы, которая, очевидно, еще не конца поделилась с нами всеми своими секретами.

Биографические сведения о ее творцах весьма скудны. Даже на сыщенная событиями биография Хушхаль-хана, доступная нам во многих деталях и подробностях, оставляет немало неясного, но существенного для представления о нем как о живом человеке, а не схематичном образе поэта-воина, национального вождя.

Большой интерес представляет проблема о действительных взаимоотношениях паштунских поэтов, их возможных знакомствах, поэтических спорах и т.д. На данный момент из-за отсутствия достоверных данных этот вопрос может решаться лишь на уровне легенд и гипотез. (Например, о встрече Хушхала и Рахмана Баба).

Несомненно одно - поэты прекрасно знали творчество своих собратьев по перу, прежде всего предшественников, по рукописным сборникам, имевшим, очевидно, широкое хождение среди них. Так, Хушхаль в одной из касид, посвященных поэтическому ремеслу, упоминает об имеющемся у него списке дивана Мирзы Ансари. Как выглядел письменный текст стихов Мирзы, разумеется, неизвестно, но Хушхаль насмеялся над их "безразмерностью", правда уже в другой касиде.

Вернемся к газелям Хушхаль-хана из рукописи собрания ИВ АН. Сравнивая их с литографским вариантом, можно увидеть, что расхождения между ними незначительны и тексты практически совпадают. Помимо огрехов переписчика, отмеченных выше, встречаются и некоторые разночтения, везде в общем не меняющие смысловое содержание:

ملهم، کلبور - یک طره (литография) معلوم (рукопись) - شکاره
 زدی به شرم ننگ خون اوردی - زدی به شرم ننگ خون اوری، آسمان - موی، مرهم
 و کنج خلوت (с персидским изафетом) - کنج خلوت и т.д.

Пожалуй, только в одном бейте первой (по рукописи) газели рукопись и литография обнаруживают чуть разные образы:

Развернулась скатерть любви для угощения влюбленного. (рук.)

Распустился цветок любви как призыв к влюбленному. (лит.)

Эта же газель в рукописи имеет на один бейт больше, чем в литографии. Он следует за бейтом с тахаллусом автора и графически оканчивается на другую, нежели остальные строки, букву. Скорее всего дописан переписчиком:

مرد هفت کنگر خوشحال پدی کبری مشغولا
 که حلال بخیل حرام کا هفت مرد الا الله

Что касается содержания газелей, то оно традиционно для лирических произведений Хушхаль-хана этого жанра. Две газели выдержаны в едином, каждая в своем, смысловом ключе. Одна может быть отнесена к любовной лирике с учетом, конечно, возможной ее суфийской интерпретации. Вторая, написанная видимо в прсникнутые пессимизмом годы затухания антимогольской борьбы, развала паштунской коалиции и конфронтации поэта с собственной семьей и племенем, представляет собой жалобу на жестокий век, людскую ложь и лицемерие, отсутствие истинной дружбы и добродетели. Две другие газели носят философско-назидательный характер и тематически в чем-то схожи. Воспевание явно мистической любви и призывы к вступлению на ее путь сменяются в одном стихотворении едким порицанием показной набожности официальных шейхов, в другом - советом задуматься над своим праздным времяпрепровождением и начать готовить провизию из добрых дел для предстоящей дальней дороги.

Трудно, если вообще возможно, сказать почему именно эти газели оказались в списке дивана Мирзы Ансари. (Тем более, что сам диван нами не изучался). Может быть переписчик просто для заполнения оставшихся свободных листов вписал сюда несколько стихов восточных афганских поэтов (недаром он начал с наиболее знаменитого Хушхалия), которые имел под рукой в каком-нибудь сборнике, либо знал наизусть.

-
1. В.В.Кушев. Описание рукописей на языке пашто Института востоковедения. М., 1976, с. 53.
 2. В.В.Кушев. Афганская рукописная книга. М., 1980, с. II6.
 3. D.N.Mackenzie. Pashto Verse. - BSOAS. Vol. 21. P. 2. 1958. Абд ал-Хайй Хабиби. Дэ пахто адабийато тарих. Кабул, 1947.
 4. Куллийат-и Хушхал-хан Хатак. Сара дэ мукаддаме ав хашийе дэ Дост Мухаммад-хан Камил Моманд. Пешавар, 1371/1952.

М.В.Торопыгина

ОТОГИ-ДЗОСИ В ИЗДАНИЯХ ТАНРОКУ-БОН

Отоги-дзоси – прозаические произведения небольшой формы на японском языке, созданные в эпоху Муромати (XIV–XVI вв.). Вторая часть термина "дзоси" ("соси") – записи, первоначально – записи сделанные в сброшюрованной тетради. Это слово употреблялось в названиях литературных произведений еще в эпоху Хэйан (IX–XII вв ("Макура-но соси" – "Записки у изголовья"), но особенно часто слово "соси" встречается в названиях произведений и литературных жанров эпохи Эдо (XVII–XIX вв.): кана-дзоси, укиё-дзоси, куса-дзоси и т.д. Первая часть термина, слово "отоги", подробно разбирается в книге Итико Тэйдзи "Тюсэй сёсэцу-но кэнкю" ("Изучение средневековых сёсэцу"). По мнению автора слово "отоги" впервые появилось в произведении под названием "Мумё-дзоси" ("Записки без названия" (1196–1202) в предложении:

"Ко ёхи ва отогиситэ ягатэру акасан, цуки мо мэдзураси".¹
("Эту ночь будем коротать за беседой, луна так прекрасна".)

Итико Тэйдзи приводит семнадцать примеров употребления слова "отоги" ("отогу") (о – вежливый префикс), во всех примерах оно имеет смысл "коротать время за беседой".

В эпоху Муромати и несколько позже при дворах сёгунов и знатных даймё существовала специальная служба, которая называлась